

КИТАЙСКИЙ ДРАКОН ПРОСЫПАЕТСЯ. СОГЛАСНО ДАННЫМ АНАЛИТИКОВ, ВЛИЯНИЕ КОВИДА НА КИТАЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ ПОСТЕПЕННО УЙДЕТ ВМЕСТЕ С 2022 ГОДОМ. НА ФОНЕ ОТСТУПЛЕНИЯ COVID-19 ТЕМПЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ЛОГИСТИКИ УСКОРЯТСЯ, А ПРОГНОЗ ПО РОСТУ ВВП СТРАНЫ ДЕРЖИТСЯ НА УРОВНЕ 4,5-5,5%. ДЛЯ ЭТОГО КИТАЮ ПОТРЕБУЕТСЯ ЭНЕРГИЯ. УЖЕ СЕЙЧАС ФИКСИРУЕТСЯ ВОССТАНОВЛЕНИЕ СПРОСА КОМПАНИЙ НА НЕФТЬ, А ПОСЛЕ ПРАЗДНОВАНИЯ КИТАЙСКОГО НОВОГО ГОДА, КОТОРОЕ В ЭТОМ ГОДУ НАЧНЕТСЯ 22 ЯНВАРЯ И ПРОДЛИТСЯ ДО 5 ФЕВРАЛЯ, МОГУТ ПОТРЕБОВАТЬСЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕМЫ СПГ. НЕ СТОИТ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО В 2022 ГОДУ ИЗ-ЗА ПАНДЕМИЙНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПЕКИН СДЕРЖИВАЛ ЭКОНОМИКУ НАИБОЛЕЕ РАЗВИТЫХ ПРИБРЕЖНЫХ РАЙОНОВ СТРАНЫ, В СВЯЗИ С ЧЕМ ПОТРЕБЛЕНИЕ СЖИЖЕННОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА КИТАЕМ СНИЗИЛОСЬ. ОДНАКО ГОДОМ РАНЕЕ, В 2021-М, КОГДА КНР СТАЛА ВОССТАНАВЛИВАТЬСЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ 2020 ГОДА, СТРАНА ЗНАЧИТЕЛЬНО НАРАСТИЛА ЗАКУПКИ ЭТОГО СЫРЬЯ. КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА ТОЛЬКО ВСТРЕПЕНУЛАСЬ, А НА ДРУГОМ КОНЦЕ СВЕТА, В ЕВРОПЕ, СЛУЧИЛСЯ ЭНЕРГОКРИЗИС, ПОСКОЛЬКУ ВЕСЬ СЖИЖЕННЫЙ ГАЗ УШЕЛ В АЗИЮ.

СЕЙЧАС РЕЖИМ «НУЛЕВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ» К COVID-19 НАЧАЛ ОСЛАБЕВАТЬ, ВМЕСТЕ С ЭТИМ ВЛАСТИ КНР ВВЕЛИ ЗАПРЕТ НА РЕЭКСПОРТ ГАЗА ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОМПАНИЯМ В ОТОПИТЕЛЬНОМ СЕЗОНЕ. ПОЭТОМУ УЖЕ В ОБОЗРИМОМ БУДУЩЕМ СИТУАЦИЯ НА МИРОВЫХ ЭНЕРГОРЫНКАХ МОЖЕТ ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОМЕНЯТЬСЯ. О ТОМ, ЧТО ЖДАТЬ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ, А ГЛАВНОЕ, ЭКСПОРТНОМУ СЕГМЕНТУ РОССИЙСКОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ ОТ КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДРАКОНА, «НИК» ПОГОВОРИЛ С ГЛАВНЫМ ДИРЕКТОРОМ ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ НАПРАВЛЕНИЮ ИНСТИТУТА ЭНЕРГЕТИКИ И ФИНАНСОВ АЛЕКСЕЕМ ГРОМОВЫМ.

Алексей Громов:

«КНР аккуратно относится к перспективам роста потребления газа»

«НИК»: Какова динамика развития нефтегазовой отрасли Китая? Изменилась ли она за последний год на фоне энергокризиса и перемен на глобальном рынке из-за антироссийских санкций?

— Внутренние показатели развития китайской нефтегазовой отрасли остаются в последние годы относительно стабильными. КНР определила цели, которых стремилась достичь еще в рамках 13-й пятилетки к 2020 году. Страна пытается их реализовать и сейчас. Согласно этим планам, Китай старался нарастить собственную добычу нефти выше 200 млн тонн. В 2021 году он смог

приблизиться к этим показателям. В 2022-м добыча нефти немного превысила 200 млн тонн.

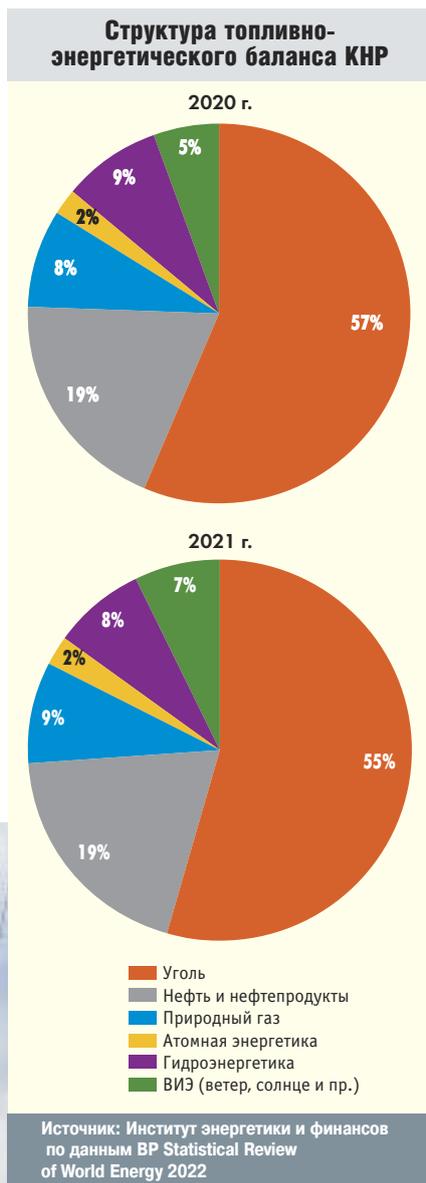
Добыча газа также идет в положительной динамике. Если в 2021 году она составляла 210 млрд м³, то, согласно предварительным итогам 2022 года, уже значительно превысила эти цифры и составила почти 218 млрд м³. То есть Китай планомерно пытается наращивать добычу нефти и газа.

При этом важны не только ежегодные показатели добычи, но и их динамика на более длинном временном горизонте. Так, если в 2015 году добыча нефти составляла 215 млн

тонн, то сейчас Китай с большим трудом довел ее лишь до 204 млн тонн (после провала в 2017–2019 годах, когда добыча нефти в стране рухнула до 190 млн тонн). То есть долгосрочная ситуация с собственной добычей нефти отнюдь не радостная, даже несмотря на предпринимаемые усилия властей в этом направлении. У страны истощенная ресурсная база, новых крупных месторождений нефти не открывается, поэтому в обозримой перспективе Пекин останется в серьезной зависимости от импорта нефти.

По добыче газа ситуация совершенно иная. С 2015 года КНР нарастила

собственную добычу голубого топлива в полтора раза. При этом до 2022 года очень быстро росло и потребление природного газа. Оно даже опережало рост добычи, поэтому Китай закупал большие объемы сырья за рубежом. Но и китайская добыча росла весьма существенными темпами. Более того, есть перспектива дальнейшего увеличения производства газа, поскольку страна планомерно работает не только над освоением традиционных месторождений, которые сосредоточены на западе Китая (Синьцзян-Уйгурский регион) и на шельфе Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, но и над добычей сланцевого газа. В 2021 году на сланцевых месторождениях КНР удалось добыть 23 млрд м³. Это примерно 11% от общей добычи газа в стране. Стратегической целью является увеличение добычи сланцевого газа как минимум до 80 млрд м³ к 2030 году,

то есть почти в четыре раза больше уже достигнутых показателей. Все это свидетельствует о том, что Пекин делает очень серьезную ставку на развитие собственной ресурсной базы в части природного газа.

«НИК»: *Каков сегодня энергетический баланс Китая с точки зрения нефти, газа, угля и как он изменится в перспективе?*

— В топливно-энергетическом балансе Китая в 2021 году (данных за 2022 год пока нет) можно заметить существенные сдвиги относительно даже 2020-го. Буквально за один год произошли весьма значимые изменения в структуре потребления энергетических ресурсов. КНР по-прежнему остается угольной страной, но в 2015 году, когда принимались цели 13-й пятилетки, потребление угля составляло 64%. Была поставлена цель к 2020 году снизить его с 64% до 58%. В 2020

году цель была достигнута с опережением: общий объем потребления угля в Китае от общего объема энергопотребления составил 57%. А в 2021 году на долю угля приходилось уже 55%. То есть за один год, при огромных масштабах китайской экономики и потребления этого ресурса, стремительно сократилось использование угля. И надо понимать, что, несмотря на это сокращение, в стране продолжили вводиться новые угольные электростанции. Однако они стали более современ-

ными, с высоким КПД, а значит, и меньшими потребностями в сжигании угля для выработки необходимого стране количества электроэнергии.

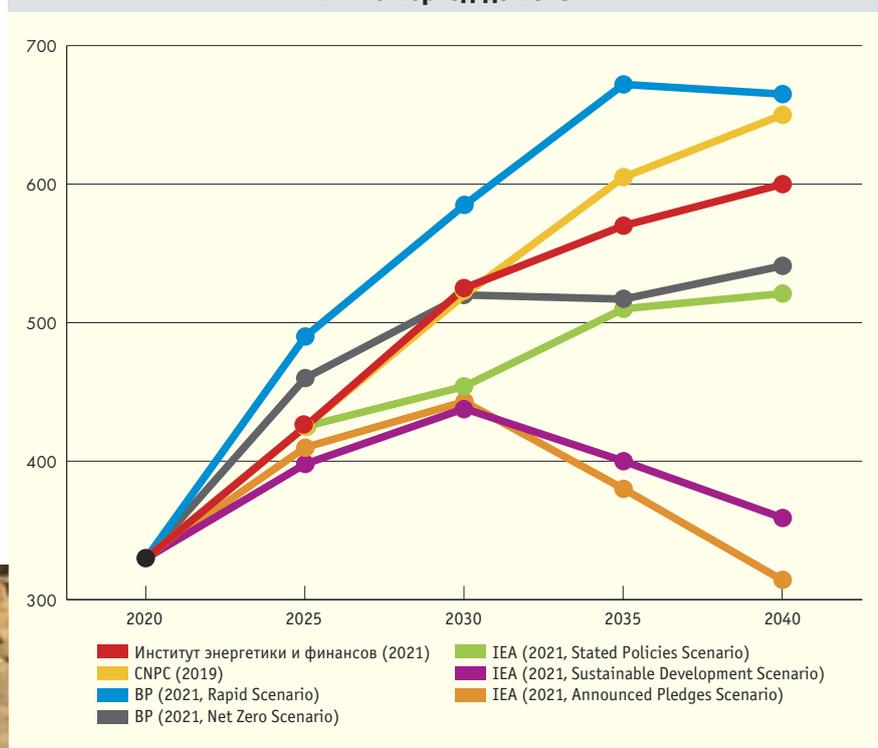
Ситуация с потреблением газа в топливно-энергетическом балансе Китая несколько иная. Изначально в 13-й пятилетке, которая закончилась в 2020 году, была поставлена цель увеличить долю газа в структуре потребления энергосырья с 6% до 10%. Но в 2020 году достичь этого не смогли. При значительном росте

потребления газа удалось получить только 8%. В 2021 году этот показатель составил почти 9%.

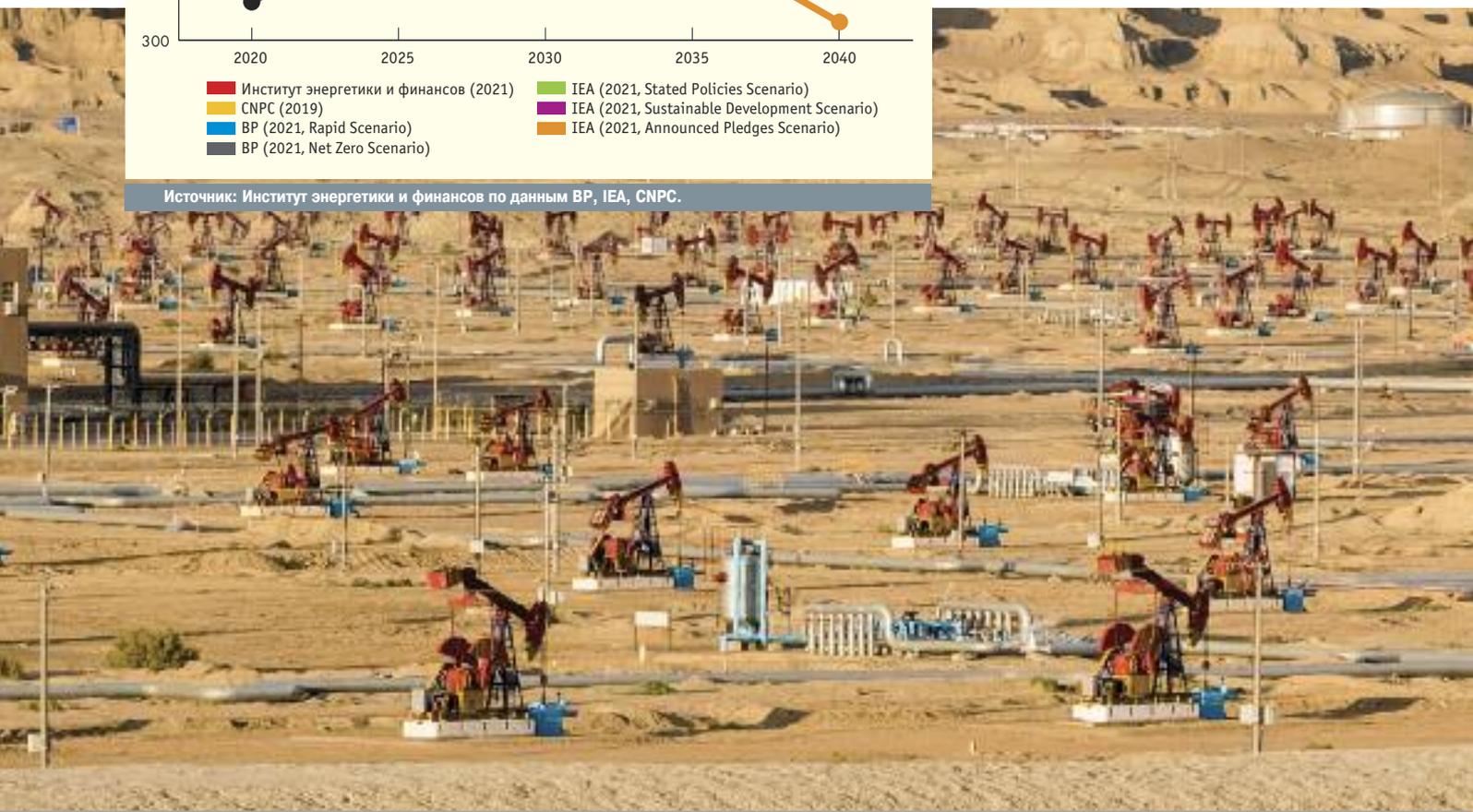
При этом очень резко выросла доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ), причем главным образом основанных на энергии солнца и ветра, без гидроэнергетики. Если в 2015 году они занимали в структуре энергопотребления всего 2%, то к 2021 году — 7%. Таким образом, всего за шесть лет доля ВИЭ в структуре китайского топливно-энергетического баланса увеличилась в 3,5 раза, и это при том, что за тот же период общее потребление энергии в стране выросло почти на 25%!

Из этого можно сделать вывод, что Китай в своем долгосрочном развитии делает ставку на собственные энергоресурсы, из которых приоритет отдается в первую очередь возобновляемым источникам энергии. Это видно и по цифрам. Так, сокращение доли угля в китайском ТЭБ в последние годы было обеспечено именно ростом потребления ВИЭ. В 2020 году на долю возобновляемых источников приходилось 5%, на уголь — 57%. В 2021 году ВИЭ занимали уже 7%, а уголь — 55%. То есть эти 2% сокращения потребления угля в стране взяли на себя солнце и ветер.

Сравнительный анализ прогнозов потребления природного газа в КНР на период до 2040 г.

Источник: Институт энергетики и финансов по данным BP, IEA, CNPC.

В то же время доля газа в энергобалансе увеличивалась достаточно медленно, и в перспективе мы не видим оснований, чтобы в структуре китайского ТЭБ потребление газа росло опережающими темпами. Ставка сделана на ВИЭ, а в части собственных энергоресурсов — на уголь, точнее на его более эффективное и экологически безопасное потребление.

Это позволяет стране по-прежнему вводить в эксплуатацию новые высокоэффективные мощности угольной генерации (при закрытии старых неэффективных и «грязных» угольных ТЭС), которые обеспечивают производство нужных объемов электроэнергии, но при значительно меньшем удельном потреблении угля. Использование газа в КНР, по-видимому, дальше также будет расти, в первую очередь с учетом развития собственной ресурсной базы.

«ННК»: Каковы перспективы потребления газа и нефти в Китае?

— КНР сейчас более чем на 70% зависит от импорта нефти. Казалось бы, правительству страны стоит насторожиться, ведь импортозависимость от этого ресурса не сокращается. В 2015 году она была 60%, сейчас — 72%. В обозримой пер-

Добыча, потребление и импорт природного газа КНР

Источник: Институт энергетики и финансов по данным BP Statistical Review of World Energy 2022.

спективе этот показатель будет держаться в диапазоне 70–75%. Однако Китай обладает большими нефтеперерабатывающими мощностями. Получая сырую нефть из России и с Ближнего Востока, китайские компании монетизируют сырье, производя нефтепродукты не только для внутреннего рынка, но и на экспорт. Таким образом, за счет добавленной стоимости на нефтепродукты Пекин экономически даже зарабатывает на такой импортозависимости! При этом страна также борется за то,

чтобы снизить долю нефти в структуре внутреннего энергопотребления. Если в 2020 году она составляла 20%, то в 2021-м — уже 19%. Другими словами, Китай постоянно движется в сторону снижения потребления тех энергоресурсов, которых у него нет. Однако в ситуации с нефтью КНР не слишком переживает по поводу своей высокой импортозависимости, потому что производит на своей территории большие объемы нефтепродуктов, которые потом направляет на экс-

порт, компенсируя затраты на закупку сырой нефти.

Кроме того, Китай с 2002 года реализует масштабную программу по созданию стратегического нефтяного резерва по примеру США. За прошедшие 20 лет он уже построил резервуары, позволяющие хранить более 900 млн баррелей (примерно 123 млн тонн) нефти. Это второй показатель в мире после США (1,3 млрд баррелей). Система китайского нефтяного резерва активно заполнялась в период пандемии 2020 года, когда цены на нефть резко упали, особенно в первом полугодии, на фоне антиковидных ограничений (так называемых локдаунов), введенных в большинстве стран мира. Позднее Пекин частично использовал свои нефтяные

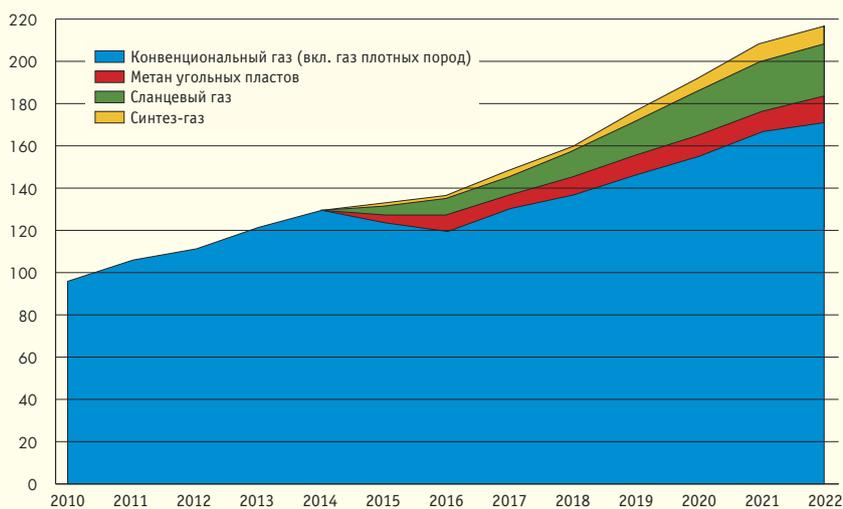
резервы для целей внутреннего потребления во время восстановительного роста мировых цен в 2021–2022 годах. Это позволило стране закупать нефть только у тех поставщиков, которые предоставляли скидки. В силу известных причин в 2022 году такими поставщиками оказались прежде всего компании из России.

По газу импортозависимость КНР в настоящее время составляет примерно 45%. И мы не видим оснований, чтобы она существенным образом выросла в обозримом будущем, потому что в КНР управляемый внутренний спрос на это сырье. Напомним, что газ используется промышленностью, коммунально-бытовым хозяйством, электроэнергетикой. Но у этих отраслей экономики есть аль-

тернативы газу, в первую очередь уголь и ВИЭ. Таким образом, Китай может директивно управлять потреблением газа в стране, переводя те или иные сектора экономики или регионы с угля на газ, если это, например, необходимо в рамках борьбы за политику «чистого неба». С другой стороны, в КНР до сих пор отсутствует внутренний рынок газа. Цены для конечного потребителя устанавливаются директивно «на входе» в городские газораспределительные сети крупных городских агломераций (т. н. city gate prices). При этом зачастую «цены на воротах городов» оказываются ниже, чем на импортируемый страной газ, в первую очередь СПГ. Это касается и промышленных потребителей, и населения. Но в большей степени населения, которое получает газ по заниженным ценам. Естественно, государство не желает платить неограниченно большие субвенции импортерам газа для покрытия ценовой разницы. Поэтому оно управляет процессом потребления этого энергосырья, что хорошо показал прошедший 2022 год.

Как известно, за 11 месяцев 2022 года на фоне высоких цен на СПГ и внутренних ковидных ограничений Китай сократил объемы импорта сжиженного газа на 20%. Хотя среднегодовые темпы роста его закупок в 2011–2021 годах составляли

Добыча газа в КНР, 2010–2022 гг.

Источник: Институт энергетики и финансов по данным China's National Bureau of Statistics.

20,6%!

Кроме того, в 2022 году, впервые в китайской истории, мы ожидаем абсолютного сокращения внутреннего потребления газа, прежде всего из-за ковидных ограничений, в течение большей части ушедшего года распространявшихся в первую очередь на приморские регионы страны: Шанхай, Шэньчжэнь и другие, которые входят в программу «чистого неба». В них как раз запрещалось строительство угольных электростанций, и там главным образом использовался природный газ. Получается, что если эти регионы оказались под ковидными ограничениями, то замедление экономики данных областей повлияло и на потребление природного газа в КНР в целом.

«НИК»: В 2021 году в этих регионах Китая был энергокризис, вводились веерные отключения электроэнергии. Какие выводы были сделаны?

— Напомню, что рост цен на газ начался не в 2022 году, а еще летом 2021-го, что привело к энергетическим проблемам в прибрежных регионах КНР, завязанных на импорт стремительно подорожавшего СПГ при сохранении низких регулируемых цен на газ для конечных потребителей. Вследствие возникновения дисбаланса закупочных и внутренних цен на газ, а также ограниченных объемов доступного СПГ на мировом рынке случился дефицит природного газа в ряде регионов страны, который был преодолен за счет ограничения работы промышленных предприятий и перевода части потребителей на энергоснабжение от угольных ТЭС.

Однако в 2022 году из-за введенных антиковидных ограничений в прибрежных районах КНР спрос на газ, прежде всего СПГ, резко сократился. Более того, Китай даже перепродал часть СПГ, который был закуплен в конце 2021 года на опасениях разрастания энергетического кризиса в стране, в Европу, где цены на газ били все мыслимые рекорды.

На этом фоне Пекин продолжал с удовольствием закупать российский трубопроводный газ, причем брал его даже с опережением графика, о чем регулярно сообщал «Газпром». Но российская компания «забывала» сообщать о том, что наш газ в

соответствии с контрактными условиями поставок является и самым дешевым для Китая в текущих условиях.

Возвращаясь к развитию газовой отрасли КНР, стоит отметить, что Пекин в очередной раз продемонстрировал возможность управлять внутренним потреблением газа. Но ситуация прошлого года все же была в какой-то степени смоделирована действиями китайских властей, вводивших беспрецедентные антиковидные ограничения в экономике. Сейчас происходит отказ от политики «нулевой терпимости» к ковиду, то есть мы вправе ожидать запуска на полную мощность экономики приморских районов страны. Значит, рост потребления газа в Китае снова возобновится.

«НИК»: Какие перспективы у России по росту поставок в Китай энергоресурсов, в частности газа?

— Потребление газа в Китае в 2021 году составило примерно 374 млрд м³ при собственной добыче на уровне 210 млрд м³. Импортозависимость — 45%, объемы импорта совокупно СПГ и сетевого газа — 165 млрд м³. В 2022 году потребление газа в стране, по нашим оценкам (точных данных национальной статистики КНР пока не опубликовано), может незначительно снизиться — на 4-5 млрд м³ (до 370 млрд м³). Однако уже в 2023 году ожидается восстановительный рост потребления газа до 380–386 млрд м³.

Дальше, по мнению большинства аналитиков, которое мы разделяем, общий объем потребления газа в КНР будет расти как минимум до 2030 года, поскольку в этот период Пекин будет опираться на все источники энергии в целях приоритетного обеспечения собственной энергобезопасности.

Мы полагаем, что за восемь лет потребление газа в Китае может вырасти с 365 до 525 млрд м³, то есть примерно в 1,4 раза. А вот что будет после 2030 года — большой вопрос. Подчеркну, что на долгосрочные планы Китая не влияет ни российская СВО на Украине, ни текущие геополитические потрясения, ни даже ковид. К 2060 году страна поставила стратегическую задачу по переходу к низкоуглерод-

ной энергетике и достижению углеродной нейтральности, при этом КНР допустила рост выбросов CO₂ в период до 2030 года. Таким образом, основные эффекты политики перехода к углеродной нейтральности начнут сказываться как раз после 2030 года. До этого Пекин постарается перестроить структуру экономики, создать достаточные мощности по производству энергии на базе ВИЭ и прочее.

В этой ситуации самый оптимистичный сценарий заключается в том, что в Китае после 2030 года (в следующие 10 лет) прирост потребления газа замедлится. В 2021 году мы предполагали, что КНР к 2040 году потребует 600 млрд м³ в год. То есть потребление вырастет еще на 75 млрд м³ к ожидаемому показателю 2030 года (525 млрд м³).

Но есть и более радикальные оценки китайских аналитических центров, которые говорят, что уже после 2030 года абсолютные показатели потребления газа вначале выйдут на полку в 525–530 млрд м³, а дальше начнут медленно снижаться с тем, чтобы к 2040 году уйти в коридор 430–450 млрд м³. Все зависит от того, насколько будут успешны преобразования китайской экономики и энергетики на пути объявленной властями страны цели по достижению углеродной нейтральности.

«НИК»: Сейчас Китай потребляет порядка 4 млрд тонн угля в год. За счет чего в КНР будут добываться развита низкоуглеродной энергетики? Возможно, Пекин будет увеличивать в энергобалансе страны долю атомных станций?

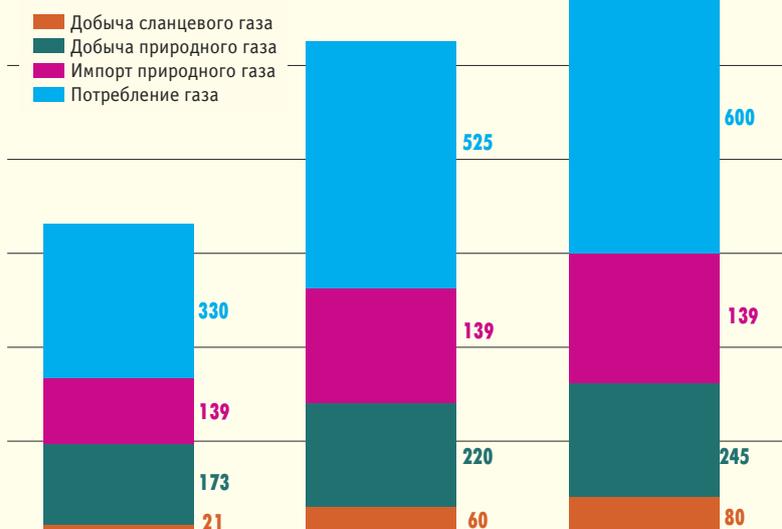
— Что касается атомной энергетики, то она развивается достаточно медленно. Это связано с технологической спецификой строительства АЭС: они не могут возводиться быстро. Сейчас в топливно-энергетическом балансе КНР атомная энергетика занимает чуть больше 2%. В принципе, в дальнейшем, если посмотреть на те планы, которые Китай анонсировал, доля атомной энергетики может увеличиться до 4%. Но это, как говорится, погоды не делает, поскольку основная ставка — на опережающее развитие ВИЭ, о котором мы уже говорили.

При этом Китай действительно

потребляет 4 млрд тонн угля в год и будет потреблять огромное количество этого энергоресурса еще достаточно долго. Поэтому дополнительный уголь, в том числе российский, будет ему нужен, причем в больших объемах. Ведь российский уголь хорошего качества, высококалорийный, и он лучше того сырья, которое КНР получает из Индонезии и даже из Австралии.

Однако по сравнению с китайским потреблением угля Россия экспортирует не так много (около 40 млн тонн — прим. «ННК»). Даже если мы удвоим или утроим свой угольный экспорт, с точки зрения эффекта на угольное потребление КНР это как слону дробина. Для китайского угольного баланса наш уголь погоды не делает. В отличие от газа и нефти. Китай по итогам прошлого года примерно на 20% увеличил закупки российской нефти, так как на нее были скидки. Пекин и дальше будет заинтересован в этом энергосырье из РФ, но при условии, что поставки будут дешевыми, то есть по цене ниже каких-либо санкционных ограничений, введенных западными странами в отношении России. При этом Китай никогда не будет подписывать обязующих документов по соответствию ценовому потолку, введенному западными странами в отношении российской нефти с декабря прошлого года. Но вместе с тем государственные компании КНР также не хотят, чтобы на них распространялись хоть какие-то риски применения американских вторичных санкций. Поэтому мы будем вынуждены подстраиваться под эти особенности китайской закупочной политики в отношении российской нефти. Россия также потенциально способна значительно нарастить поставки газа в КНР. Однако для этого необходимо как можно скорее решить вопрос с началом практической реализации газотранспортного проекта «Сила Сибири 2», который может увеличить экспорт российского газа в Китай сразу на 50 млрд м³ за счет ямальских месторождений. По этому проекту РФ со своей стороны все подготовила, договорилась с Монголией, так как часть маршрута пройдет через эту страну, есть взаимопонимание с китайской стороной, но контракта пока нет!

Базовый прогноз газового баланса КНР, 2020-2040 гг.

Источник: Институт энергетики и финансов

В 2021 году общий объем китайского газового импорта составил 162 млрд м³ с учетом 110 млрд м³ СПГ и 50 млрд м³ сетевого газа из России и стран Центральной Азии. Если рассматривать прогнозный вариант, при котором спрос к 2030 году увеличится до 525 млрд м³, то дополнительные объемы газа с учетом роста внутренней добычи в КНР могут увеличиться с текущих 162 до 245 млрд м³. То есть на рынке до 2030 года может появиться потребность примерно в 83 млрд м³. Но надо понимать, что Пекин будет рассматривать все предложения на рынке, не только российские, и выбор будет определяться ценой. Кроме того, в эти 83 млрд м³ заложено увеличение поставок российского газа по уже заключенным контрактам, в том числе по «Силе Сибири 1». Российский газопровод должен увеличить прокачку газа в Китай еще примерно на 22 млрд м³ к текущему уровню поставок (16 млрд м³ по итогам 2022 года), плюс 10 млрд м³ придут с Сахалина. Таким образом, возможные потребности КНР в дополнительном газе до 2030 года сужаются до 48–50 млрд м³, которые, скорее всего, будут покрываться за счет наращивания поставок из Центральной Азии, а также СПГ. Однако вся интрига заключается в том, что будет после 2030 года. Надо понимать, что если по «Силе

Сибири 2» будут заключены какие-либо договоренности, то на реализацию проекта уйдет, по самым оптимистичным оценкам, 3–4 года. И это только строительство, а выйти на полную мощность (с учетом того, как этот процесс происходит на действующей «Силе Сибири») получится примерно к 2030 году. Получается, что дополнительные российские 50 млрд м³ газа попадут на китайский рынок в период, когда страна, по идее, будет замедлять внутренний спрос на газ в силу реализации своей цели перехода к углеродной нейтральности.

Базовый вопрос: а нужны ли будут Китаю после 2030 года эти дополнительные объемы российского газа? Ответа на него пока нет, поскольку даже в оптимистичном сценарии объемы потребления газа в КНР вырастут к 2040 году только до 600 млрд м³, а возможно, они, наоборот, станут сокращаться, если низкоуглеродный сценарий будет реализован. Таким образом, окно возможностей для значительного увеличения экспорта газа в КНР для России уменьшается.

«ННК»: Можно ли считать «поворот на Восток» со строительством масштабной транспортной инфраструктуры эффективной долгосрочной стратегией или в случае с Китаем она может оказаться ошибочной?

— Для нас эта стратегия безальтер-

нативна. События 2022 года привели к энергетическому «разводу» России с западными партнерами. Других альтернатив, кроме развития восточного коридора поставок, у нас нет. Но мы должны понимать сопутствующие экономические издержки. Дело в том, что западный рынок нефти и газа всегда был для нас премиальным. Мы продавали газ, нефть и нефтепродукты по самым выгодным ценам. С Китаем так не получится. Там мы в любом случае будем продавать наши энергоресурсы с дисконтом, потому что у Пекина безальтернативности применительно к источникам поставок нет. Эта страна изначально развивает свою энергосистему таким образом, чтобы не оказываться в чрезмерной зависимости от какого-либо одного поставщика энергоресурсов. По углю наши поставки погуду не делают и не будут делать ее никогда, поскольку потребление угля в КНР колоссальное. По нефти Китай ори-

ентируется в первую очередь на нас только по причине скидков. Если мы их не дадим, он спокойно возьмет нефть у других поставщиков. Поэтому в наших интересах сохранить дисконт. По газу та же история. Пекин готов брать дополнительные объемы российского газа, но, скорее всего, он будет просить сохранения тех же условий, по которым мы сейчас поставляем газ по «Силе Сибири 1», то есть по самым выгодным для Китая ценам. По косвенным данным, в прошлом году цена за тысячу кубометров экспортируемого в КНР российского трубопроводного газа составляла \$285–290, при том что средняя цена газа в Европе по долгосрочным контрактам в 2022 году держалась на уровне \$680–690 за тысячу кубометров. То есть в любом случае доходность российского нефтегазового экспорта в восточном направлении будет значительно ниже, чем в западном, и это долгосрочная тенденция. При

этом объемы поставок на Восток мы сможем наращивать только в том случае, если будем готовы к тому, что маржинальность российского экспорта в этом направлении будет значительно ниже.

«НИК»: В каких регионах и сегментах энергоотрасли Россия сталкивается с Китаем на международных рынках?

— Сейчас Россия ориентируется на Китай и Индию. Фактически можно говорить о том, что значительная часть российского экспорта сырой нефти переориентирована на эти страны плюс ряд других, например Турцию. В дальнейшем по объемам нефтяного экспорта Россия сможет практически полностью переориентировать сырье на другие рынки, отказавшись от Европы, США и Великобритании.

По нефтепродуктам такого мы сделать не можем, поскольку Китай сам производит весь их спектр. Он покупает у нас нефть, средние дистилля-

ты, которые в первую очередь используются для развития собственной нефтехимической отрасли. Но основной наш продукт в структуре экспорта нефтепродуктов — дизельное топливо. Оно Китаю практически не нужно. В этой ситуации РФ, скорее всего, будет сокращать производство дизельного топлива внутри страны, как только вступит в силу европейское эмбарго на российские нефтепродукты (с февраля текущего года).

При этом я бы не стал говорить, что у нас есть риски серьезной конкуренции с китайскими нефтепродуктами. География поставок у двух стран разная. Китай в первую очередь экспортирует их в Юго-Восточную и Северо-Восточную Азию. Поставлять туда российские нефтепродукты нам было бы дорого. Мы скорее ориентируемся на Ближний Восток, Турцию и Африку. Но и там Россия будет терять в маржинальности экспорта.

Общий вывод такой, что поворот на Восток — безальтернативная стратегия. Но мы должны понимать, что даже если Россия по ряду позиций энергетического экспорта сможет перенаправить существенные объемы энергоресурсов на азиатские рынки, то все равно потеряет в доходности такого экспорта. Ведь на доходность влияет не только

продажа энергоресурсов по сниженным ценам, но и логистика поставок. Например, по экспорту нефти сорта ВСТО (ESPO) маржинальность приемлемая, поскольку хорошая логистика, есть нефтепровод. Однако рентабельность поставок Urals морским путем из портов России на Балтике или Черном море в Китай получается совсем иная, особенно учитывая дороговизну фрахта и страхования судов в условиях введенных санкционных ограничений и продолжающихся боевых действий на востоке Украины. В итоге получается картина, о которой трубят все СМИ: почему российская нефть продается по цене ниже \$40 за баррель? Но все объяснимо. Мировая цена нефти — \$80 долларов за баррель, Россия должна сделать дисконт, чтобы ее нефть брали, добавить туда затраты на фрахт и страхование с учетом более длинного маршрута. Цена отгрузки в порту как раз и будет ниже \$40 долларов. И так по всем цепочкам наших энергетических поставок.

«ННК»: *Стоит ли привлекать Китай к инвестированию или прямому участию в добычных или энергетических проектах на территории России?*

— Все зависит от того, каких целей мы хотим достичь. Инвестиции нужны тогда, когда не хватает собственных

средств. До последнего времени у нас не было очевидного дефицита инвестиционных возможностей. Второй интерес — технологии. Вопрос: располагает ли Китай нужными нам технологиями? В части добычи, наверно, нет. Скорее, мы обладаем интересующими Китай технологиями.

КНР может помочь нам в организации сбыта продукции. И в этом наше инвестиционное взаимодействие может быть более тесным. В чем сейчас Россия испытывает проблемы — это танкерный флот. У нас есть только одна судоверфь «Звезда» для строительства таких судов, остальные мы заказываем в Южной Корее. Но есть же еще и китайские судоверфи, с которыми также можно договориться.

То же самое касается газозов. Можно предположить, что санкционное давление на российский СПГ будет нарастать, пока его еще нет. И скорее всего, следующие санкции ЕС и США будут направлены как раз на закупки российского СПГ. Поэтому там, где мы можем взять китайские технологии, которые помогли бы развивать наши экспортноориентированные проекты, нужно продолжать взаимодействие.